

Евгений Карнович

Князь Иосиф Яблоновский

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович Князь Иосиф Яблоновский

Серия «Очерки и рассказы
из старинного быта Польши»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621665

*Карнович Е. П. Очерки и рассказы из старинного быта Польши:
Типография Ф. С. Сущинского; СПб.; 1873*

Аннотация

«Внук Станислава-Яна, Юзеф Яблоновский, обладавший огромными богатствами, известен как человек учёный и писатель, но несмотря на эти качества он отличался необыкновенными причудами... По приезде в своё имение Ляховицы, он выстроил посредине большого пруда на острове великолепный дом, или, вернее сказать, огромный укреплённый замок. Ни одно окно этого замка не выходило на очаровательные окрестности Ляховиц, но все были обращены вовнутрь на двор...»

Евгений Петрович

Карнович

Князь Иосиф Яблоновский

В Польше существуют две фамилии Яблоновских: одна герба Гржимала, другая герба Прусс III; родоначальники обеих фамилий делаются известными в начале XVI столетия; значение же в Польше той фамилии Яблоновских, к которой принадлежал князь Юзеф, начинается со второй половины XVII века, именно с великого коронного гетмана Станислава-Яна, женатого на Марианне Казановской и бывшего другом и сподвижником короля Яна Собеского.

Внук Станислава-Яна, Юзеф Яблоновский, обладавший огромными богатствами, известен как человек учёный и писатель, но несмотря на эти качества он отличался необыкновенными причудами. Юзеф Яблоновский родился в 1711 году, и 16 апреля 1743 года, находясь польским послом в Регенсбурге, получил от германского императора княжеское достоинство Римской Империи, а впоследствии и орден Золотого Руна. По смерти Августа III он записался в число кандидатов на польский престол, но встретил неудачу и, по избрании в короли Станислава Понятовского, уехал в Лейпциг и там посвящал своё время литературе и учёным изысканиям, учреждал премии и конкурсы, раздавал писателям золо-

тые медали, печатал их сочинения на свой счёт, кормил, поил и одевал их; но соскучившись на чужбине он возвратился на родину и начал вести жизнь чудака.

По приезде в своё имение Ляховицы, он выстроил посредине большого пруда на острове великолепный дом, или, вернее сказать, огромный укреплённый замок. Ни одно окно этого замка не выходило на очаровательные окрестности Ляховиц, но все были обращены вовнутрь на двор. Подражая примеру владетельных особ, князь устроил в этом замке аудиенц-залу, окружил себя войском, образовал кругом себя многочисленный двор, в составе которого были шамбеляны, то есть камергеры, расставил пушки на валах кругом замка и жил там долгое время, не имея ни в ком надобности. Но крепко сжалось сердце Яблоновского, когда однажды он встретил необходимость обратиться с просьбою к бывшему своему сопернику тогдашнему королю Станиславу Понятовскому, и жестокий удар был нанесён самолюбию князя, когда просьба его осталась без исполнения. Раздражённый Яблоновский приказал вынести портрет короля из своих комнат и в наказание повесить его в караульне. Весть об этом дошла до короля, который наслышавшись о странностях Яблоновского, сделал вид, будто ничего не знает о нанесённом ему оскорблении. Тогда Яблоновский решился пойти на мировую и написал к королю письмо, вроде извинения в своём поступке. Король отвечал на письмо князя так: "Зная ваш ум и ваше сердце, я был уверен, что вы, размыслив о вашем по-

ступке, верно сами будете жалеть о нём. Портрет мой, повешенный по приказанию вашему в караульне, мог замараться, поэтому посылаю вам новый, весьма похожий, для того, чтобы он напоминал вам меня."

В сношениях своих с лицами, которые были ему обязаны, Яблоновский обнаруживал доброе сердце, не отказывал никому, кто просился к нему в службу, и если кто-нибудь из служивших у него навлекал на себя неудовольствие князя, то он запрещал виновному являться к нему иногда в продолжении нескольких дней, иногда недель, а иногда и месяцев, отправлял его на один из своих фольварков и сам записывал день высылки и срок, на который виновный был им удалён.

Между тем во всё это время он беспрестанно спрашивал окружавших его: "Что подельывает такой-то? вероятно он сильно тоскует? да, да, – прибавлял он, – какое ужасное наказание не видать моего лица!"

После определённого срока виновный был возвращаем в замок князя, выслушивал его наставления, после чего в награду за наказание, которое лишало высланного возможности видеть лице князя, он получал пару коней или несколько десятков червонцев. Такой способ взыскания вскоре всем понравился, и служившие при князе, сговорившись между собой, устраивали дело так, что все поочерёдно подвергались его гневу.

Но в припадках вспыльчивости князь наказывал так же свою любимую дочь Теофилию, посылал её под арест в кара-

ульню, где княжеская милиция стояла на часах; туда же отправлял он и тех из своих гостей, кто нарушал или установленный им этикет, или, по обычаю Речи Посполитой, позволял себе обходиться с ним за пани-брата.

Но самым торжественным днём, в который князь являлся во всём своём величии, был день его именин, день Св. Юзефа, или Иосифа; день этот был также днём хозяйственных распоряжений, потому что тогда отдавались имения в аренду, и получались с них доходы, и все жившие во владениях князя приезжали к нему с поклоном.

Вот как проходил этот день в Ляховицах: в двенадцать часов утра князь, богато одетый, украшенный всеми своими орденами, являлся в аудиенц-залу, окружённый шамбелянами, толпою прислуги и pontificaliter, как выражались поляки, садился на кресло, обитое бархатом, украшенное золотыми галунами и стоявшее на возвышении, под богатым балдахинном. Шляхта и арендаторы, разрядившись кто как мог, собирались в этому времени в соседней зале и после доклада особо о каждом, они поодиночке допускались на аудиенцию к князю. Каждый из арендаторов обязан был принести следующую с него за аренду годовую плату в мешке, и три раза низко поклонившись князю и поздравив его с днём ангела в самых торжественных и напыщенных выражениях, клал к подножию его седалища мешок с деньгами. Исполнивший этот обряд отходил в сторону и оставался в аудиенц-зале до тех пор, пока все не оканчивали своих поздравлений князю.

От исполнения этого обряда не была освобождена и жена князя, рождённая княжна Воронежская. По окончании поздравления князь-воевода (он был воевода новгородский) в сопровождении всех прибывших к нему лиц отправлялся в каплицу, где торжественно с музыкой совершалась обедня, после чего он с тою же пышностью возвращался в свои покои.

Затем следовал обед. Князь, не желая стать и в этот день вровень с кем бы то ни было, уходил в кабинет, а в смежной с кабинетом огромной зале был приготовлен стол для гостей, к числу которых принадлежала и княгиня. В кабинете князь обедал один, и двери в залу были заперты; они отворялись настежь только в то время, когда приходила пора пить за здоровье именинника. Тогда при звуках музыки, громе пушек и кликах "виват!" гости входили в кабинет воеводы и пили за его здоровье, а он сам выпивал огромный кубок в честь своих гостей. После этого гости выходили, и двери кабинета плотно запирались за ними.

После обеда князь из принесённых ему дукатов делал свитки разной величины и, окончив эту работу, выходил другими дверьми кабинета в танцевальную залу. Гости, извещённые о его выходе, отправлялись туда же, конечно, навеселе, а князь, сидя у столика, заваленного свитками червонцев, раздавал их детям, говорившим ему поздравления, а они в знак благодарности целовали его руку.

После этой раздачи начинались танцы; в них принимал

участие и сам воевода, если он был в хорошем расположении духа. Вечер заключался иллюминацией и фейерверком. Разумеется, что гости исподтишка посмеивались над чудакком-хозяином, но тем не менее на каждом шагу оказывали ему глубочайшее уважение, что весьма льстило его самолюбие.

Приближаясь к старости, воевода делался страннее и страннее; часто, раздевшись до рубашки, но зато надев все свои ордена и ленты, он прохаживался в комнате, увешанной зеркалами и рассуждал сам с собою о своём величии, уме, знатности и талантах.

Часто слышали, как он разговаривал сам с собою так: "Кто я такой? князь? – князь, но этого мало! Король польский? – король польский, но и этого мало! Епископ и кардинал? – епископ и кардинал, но и этого мало! Император римский? – император римский, но и этого мало! Папа? – папа, но и этого мало, да и вообще нет такого высокого сана, который бы соответствовал моему достоинству."

Но раз случилось вот что: один из молодых прислужников князя, заметив подобные его рассуждения, забрался в камин, и когда воевода предложил себе вопрос: "Кто я?" раздался громкий и страшный голос: "Дурак, дурак и больше ничего!" Испуганный князь выскочил из замка во двор и увидев на крыше трубочиста, принял его за чёрта и закричал часовому: "Стреляй в этого чёрта, стреляй!" Часовой исполнил приказание воеводы, и несчастный трубочист был застрелен.

Тогда обрадованный князь закричал: "Пусть же и черти научатся как должно уважать меня!"

Между тем прислужник успел выскочить из комнаты и сохранял это происшествие в тайне до самой смерти князя, для которого оно было поводом к увеличению его гордости, потому что он, несмотря на свой природный ум и образование, любил говорить о том, как он за неуважение к себе велел застрелить чёрта, и чрезвычайно сердился, если кто-нибудь выражал сомнение в истине этого рассказа.

Не смотря на свои странности, Яблоновский был любим всеми за его готовность помогать бедным и за уклонение от всяких тяжб и ссор. Он умер 1 марта 1777 г. Из сочинений его некоторые были напечатаны в Лейпциге, в том числе и "L'Empire des Sarmates", заслужившее в то время похвальные отзывы, но большая часть его учёных трудов осталась в рукописях.